

Алексѣй Ивановичъ очень «заскучалъ» съ одной лошадей, безъ коровы и безъ овецъ: въ опустѣвшемъ дворѣ совсѣмъ «рукъ не къ чему приложить стало». А Катюха чуть ли еще не больше «хозяина» вздыхала по своей пестрой коровѣ, безъ которой «и молочка взять для ребенка негдѣ». Раны, нанесенныя хозяйству совершеніемъ дорогой купчей, были серьезны, даже очень серьезны. Вотъ для того-то, чтобы залечить ихъ какъ можно, Щастневъ, постолковавъ между собою, рѣшились тотчасъ же раздать большую часть земель въ Мокрецахъ подъ посѣвы, и притомъ на первое время даже задешево, но съ тѣмъ, чтобы взять большіе задатки и разомъ возстановить крестьянское благолѣпіе своего двора. Это, по ихъ соображеніямъ, было самой разумной мѣрою въ данныхъ обстоятельствахъ, хотя вырвало не одинъ вздохъ изъ груди Алексѣя Иванова.

— Радъ бы попридержаться, — говорилъ онъ своей Катюхѣ, — земли дуже жалко. Эхъ! Отъ Песоченскаго края, кажется, ни въ жисть бы никому не отдать. Опять же къ Глубочкѣ... Еслибъ самимъ-то все посѣять — эхъ, Господи! Хлѣба-то! Да ничего не подѣлаешь, податься некуда. Безъ лошадей, безъ сѣмянъ, безъ работниковъ, что я одинъ сдѣлаю?

— Видимое дѣло, что не за что взяться! — покачивала головой Катюха. — Обзаведемся на задатки, такъ по крайности все конопляныя за собой удержимъ; а то вѣдь и къ тому приступить не съ чѣмъ.

— Извѣстно... Катюха! Ты помнишь, какая въ третьемъ годѣ у старшины по конопляную рожь стояла? Матушка, царяца небесная!

Катерина Захаровна отъ восторга даже сунула въ мужа кулакомъ, и показала свои бѣлые зубы.

— Счастливчикъ ты, право! Всѣ люди таперь на насъ дивуются. Вотъ тебѣ, говорятъ, и Щастневъ! Ужъ подлинно, что Щастневъ; не даромъ такъ прозывается.

— И то. Это священникъ даве правильно сказывалъ, что видимая милость божія... Може, родители на томъ свѣтѣ умолили, — отъ нихъ.

Супружеская бесѣда Щастневыхъ была прервана очень неожиданнымъ, но и очень почетнымъ посѣщеніемъ: передъ скромнымъ крылечкомъ ихъ незатѣйливаго жилья вдругъ очутился столь извѣстный всему околотку сѣрый жеребецъ волостного старшины, и самъ Николай Ѳадѣевичъ Писарекъ грузно вылѣзалъ изъ щеголеватой телѣжки городского издѣлія, въ которой имѣлъ обыкновеніе дѣлать свои разъѣзды по волости.